

...А за спиной – портрет Дельвига

«Газете – 183 года! Мы – только звено в большой литературной истории» – убеждён 33-й главный редактор «Литературки» Юрий Поляков

Ирина КЛЕПИКОВА

Месяц назад «ЛГ» сообщила: Анджелина Джоли, Брэд Питт и шестеро их детей собираются в турне по России, где дружная семья сыграет ряд спектаклей «Двенадцать месяцев» в Вышнем Волочке, Верхнеудинске, Нижней Туре и других городах. По-журналистски чуть было тут же не рванула в Нижнюю Туру... Только отсылка «ЛГ» к своей 16-й, юмористической полосе всё разъяснила: газета разыграла читателей по случаю Дня смеха.

Когда при встрече я рассказала, как едва не попала на первоапрельскую шутку, Юрий Поляков расхохотался от души.

– Шутим. И, случается, не просто. У нас, например, был дикий скандал из-за того, что мы напечатали якобы интервью с Эрнстом. Большое, на две трети полосы. Мы постыдно критикуем «Первый канал» на своей полосе «ТелеВедение», но в отличие от тех, кто слышит только себя, всегда готовы предоставить своим оппонентам возможность возражать. Много раз предлагали это и Эрнсту. Он всё время отказывался. Тогда мы подготовили как бы интервью с ним, задав вопросы, которые напечатали у телезрителей, и сами же, от безысходности, ответили на них. Тут же звонок из пресс-службы «Первого канала»: «Мы вас застали». «За что?» – отвечаем. – Вы отсылку-то на 16-ю полосу посмотрели?..»

Другая шутка – что Немцов назначен советником Президента Путина по внесистемной оппозиции. Первое, что он, мол, предложил сделать на этом посту – вышить на белых ленточках слова «Путин с нами». И опят некоторые попались: настолько готовы к беспринципности иных политических фигур.

– Стало быть, газету надо делать весело? Даже такую вполне академическую, как «Литературка»?

– Так ведь именно «Литературная газета» сформулировала когда-то парадигму смешного позднесоветской эпохи. И именно на 16-й полосе. Для нас мистификация, шутки, придумывание новых персонажей, словесных фантомов – это характерно. Другое дело – что часто пользоваться этим нельзя: озорничанье не работает.

– Показатель востребованности издания – тираж. Удивительные у вас цифры: Москва – 60 тысяч, федеральный тираж – 35 тысяч, Израиль – 22 тысячи... Что, в российской глубинке «Литературная» менее нужна, чем в Израиле?

– Нет-нет, 22 тысячи в Израиле – это не подкачка, а дайджест «ЛГ», который выходит как вкладыш в русскоязычной газете. Аналогичные вкладыши «ЛГ» выходят в Англии, Чехии, Германии. А что касается подписки... «ЛГ» в регионах действительно меньше, чем в центре, и это объяснимо. Я пришёл в газету в 2001 году. До этого она 11-12 лет выходила как квазилиберальное издание, откуда были изгнаны все думающие иначе. Например, с 1991 по 2001 годы имя Валентина Распутина не упоминалось ни разу! Зиновьев или Лимонов что-то не так сказали – и им отказ в публикации. В конце концов остался узкий круг авторов, в основном – радикалы-либералы. На первой полосе, как правило, была паскудная карикатура на русского человека: то он под забором пьяный, то дерётся... Помню, в первый мой рабочий день в «ЛГ» вахтерша на входе спрашивает: «Вы новый главный?» «Я. А что?». Она показывает на очередную карикатуру – русского мужика в трухе – и спрашивает: «Ну правда же, больше такого не будет?..»

Такого больше и не было. Но за десять «либеральных лет», когда к тому же читатели объективно разошлись от нескольких десятков центральных газет и журналов к нескольким сотням новых, которые появились, «ЛГ» и потеряла подписчиков в регионах: читать в обнищавших уральских или сибирских городах либеральный густопсовый вздор было отвратительно. Тираж упал до 20 тысяч.

В 1990 году повесть Полякова «Сто дней до приказа», избобличившую дедовщину, заблокировали военные. Примерно в те же годы на Красной площади сел немецкий лётчик Руст. «Лучше бы вы Руста не пропустили...» – сыронизировал Поляков

Меня его подняли до 100 тысяч (это – без дайджестов). Но самым тяжёлым оказалось – снова завоевать читателя-интеллигента в регионах, в провинции. Жизнь коротка и инерционна. Раз обидишься, человек не скоро эту обиду забудет. Даже на любимую газету, которая из объективной, смелой на какой-то момент превратилась в рупор тех, кто уродовал-разворовывал страну. Но зато как же здорово сейчас услышать где-то на встрече от учительницы из провинции: «Я уж было совсем на «ЛГ» поставила крест. Но вы же теперь совершенно другие!».

– Другие по содержанию, но не по подаче материалов. Нынешний тренд печатных СМИ – картинкоподобие, текста помпезнее. А вы по-прежнему можете позволить себе почти в полосу, с одной фотографией, интервью с Умберто Эко...

– Это принципиальная позиция. Мы знаем своего читателя. Если бы у нас была задача донести наши идеи до, грубо говоря, малопросвещённых, отвыкших от чтения слов, то и мы искали бы какие-то игровые формы. Рассчитывали на зрительный ряд. Но традиционный читатель «Литературки» – это учитель, преподаватель вуза, деятель культуры, гуманитарно заинтересованная техническая интеллигенция, просвещённый бизнес, думающие военные. Эти люди готовы к восприятию сложных текстов, аналитики. Кстати говоря, согласно исследованию Института Гэллала мы занимаем первое место по количеству человек, читающих один экземпляр: в Москве – 4,8, в провинции – семь человек. То есть кто-то купил номер «ЛГ», прочёл сам, передал сослуживцам. Это абсолютный рекорд среди еженедельников. Не видел, чтобы кто-то, купив «СПИД-инфо», дальше её передавал. Или, прочитав в «Комсомолке» о внематочной беременности балерины Б., вы же не бежите рассказывать всем об этом. В лучшем случае – подружке, с улыбкой: «Слышала, Б-то допрыгалась...» (смеётся).

«Литературная» – источник профессионального знания. По историческим темам мы не кормим читателя байками времён «Огонька» Коротича, а даём слово серьёзным учёным. Статья в «ЛГ» о новейших исследованиях по Варламу Шаламову или материалы по механизмам крымской катастрофы цитируют на лекциях в вузах, хранят в своих фондах библиотеки.

– То есть они работают многократно?

– Конечно! И тираж в 100 тысяч реально может быть под миллион.

– Раньше у СМИ было две запретных для критики темы: министерство обороны и Большой театр. У «Литературки» есть «территории вето»?

– Недавно умер знаменитый венгерский бард. Пример-

но наш Высоцкий. Был национальный шок, когда выяснилось: он завещал похоронить себя под Гимн Советского Союза. Венгрия второй месяц обсуждает это. Российские СМИ об этом – ни гу-гу. А мы написали...

Мы первые, ещё в 2003 году, завели разговор о недопустимости безумного количества учебников истории: совершенно разные версии истории воспитывают целое поколение шизофреников. Долго раскачивали тему – наконец, до власти дошло.

У меня была статья «Где проспект Ивана Калиты?» – про то, что в Москве есть улицы в честь революционеро-террористов, но не увековечен Калита, который сделал Москву тем, что она есть. Пафос: топонимика должна отражать реальную историю, у нас же она отражает только смену мифов. И вот – уже работает специальная комиссия по названиям.

Словом, в самой «опасной теме» весь вопрос – в аргументации автора.

– Честно говоря, жаль, что вы приехали на Урал только по вопросам Изборского клуба, а не встретились с читателями, нашими писательскими союзами. Проблем много. Какие у «Литературки» взаимоотношения с регионами?

– Когда я пришёл в газету, вся литература была, что называется, внутри Садового кольца. Печатали москвичей, питерцев, немного – писатели-эмигранты. Литераторов из регионов почти не было на полках. Пришлось издавать приказ: если печатаем в номере пять поэтических подборок, то одна может быть московская, одна – питерская, три – обязательно из регионов. Планёрку я начинал чуть не со счетов в руках: «А почему – две московские подборки?..»

Кто-то ушёл из редакции: ну, это же тяжело – не друзей и подруг печатать, а коллег из регионов. Зато сегодня при присутствии «регионального аспекта» мы наиболее последовательные из литературных изданий. Национальной литературе посвящено даже специальное приложение – «Язык и лира России».

Была попытка системно работать с писательскими организациями – сделать «платформы областей» в виде целевых полос. Предложили регионам сформировать подборки. Откликнулся тут же. Но! Почти в каждом пришлоном пакете была подборка стихов председателя регионального отделения СП и фрагмент из романа эпопеи его заместителя. А поскольку хорошо руководить писательской организацией не значит хорошо писать (сочетается довольно редко), то... было смешно. Мы идею оставили.

Сказали и общий кризис. Руководители писательских союзов, сидящие в Москве, фактически утратили функцию руководства. Сидят и прожигают остатки писательского имущества. Работы нет. Молодые силы не подтягиваются.

Стагнация. Они все пришли на волне критики «литературных генералов», но вот уже сами сидят «на руководстве» дольше, чем тот же Михалков, Марков или Фадеев. Уходить не собираются. Уйдут, видимо, когда, как у Ильфа и Петрова, будет продан и вынесен последний стул.

– Зато у нас (не знаю, как Москва) всё более активно заявляет о себе подростковая литература. Содержание детских писателей, например, отстало Крапивинскую премию, которая из-за отсутствия финансов вполне могла почтить в бозе.

– Мы тоже писали о конфликте. А до этого было несколько материалов о необходимости вкладывания средств в литературу, кино, театр для детей. В результате родилась Президентская премия деятелям культуры, работающим для детей. Но согласуясь с вами в отношении детско-юношеской литературы, особенно драматургии. В Москве немало театров, где самый современный автор – Вампилов. ТЮЗы превратились в лаборатории по самовыражению их руководителей, вплоть до постмодернистской лабуды, которую ребёнку невозможно смотреть. Детского кино тоже нет, потому что нет основы. Вспомните: «Приключения Электроника», «Друг мой Колька», «Чучело» – сначала это была хорошая литература. А для неё нужен социальный заказ. Какое-то время государство поддерживало драматургию мрачного содержания. Иногда казалось: ты сталкиваешься с психическим недугом. Понемногу приходит. Как драматург это чувствую. Но далеко не все театры и сегодня хотят связываться с серьёзной, актуальной драматургией.

– Да почему же?! Все вроде жаждут современных ярких пьес...

– Объясню. Разликаясь, после перевода из развлекаловки, постмодернизм, чернуха – к этому никто серьёзно не относится. Но когда ставился мой «Хомо эрктус» – помню, актёр, игравший до этого в каком-то «постмодернизме», отказывался в «Хомо эрктус» играть депутата. «Юра», – объяснял он, – там всё понарошку, а у вас – вааправду! То есть реалистической драматургии, которая заставляет зал думать о серьёзных вещах – социальных, нравственных, не хотит! Моих «Одноклассника», которые сейчас идут от Владикавказа до Владивостока, вернули 13 московских театров. «Острая пьеса. Зачем?».

Вспомните, как работали драматурги Роцин, Зорин, Розов – театры заказывали им пьесы. Вместе обсуждали, доводили. Потом – гордились. Даже когда за эту пьесу или спектакль вызывали в ЦК, как меня с «ЧП районного масштаба». Это значило – ты попал в болевой нерв...

– С большой симпатией наблюдаю, как полосу, где вы печатаете молодых поэтов, поддерживает компа-

ния «Роснефть». Как удалось договориться? Большинство молодых мыкаются в отчаянии издавать хотя бы за собственные деньги...

– «ЛГ» – на самокупаемости. Мы не бюджетники, дотаций нет. «Роснефть» даёт деньги на целевую полосу «Литературный резерв». Зачем это «Роснефти»? Просто среди наших читателей есть просвещённые бизнесмены, которые лезут не о том, чтобы заработать, перевести деньги в офшоры и свалить. Они хотят жить здесь, и чтобы Россия снова была «Отечеством золотой литературы». А мы сами, как только у нас появились деньги, учредили четыре премии молодым писателям – по 250 тысяч рублей.

– В каждом номере «ЛГ» на первой полосе рубрика «Книга недели». Для читателя – некий ориентир, но как же ответственность – определить среди новинок одну-единственную «книгу недели!»

– На это работает отдел литературы и библиографии. «Вылавливают» достойные новинки в Интернете, книжных магазинах. Некоторые авторы сами присылают книги, ведь иные новинки могут рассчитывать на рецензию только в «Литературке». Про новый роман Пелевина все напишут. А у кого-то другого вышел, ничуть не хуже, – пресла молчит. Незаслуженно замалчиваемых авторов мы и стараемся замечать. Вот «Серпионовы братья», новая книга. Считалось: текст утрачен. Нет. Найдены. Издан. Как это можно не заметить?!

– Юрий Михайлович, обычно в кабинетах руководителей за спиной висят портреты Путина, Медведева. Дескать, по первым лицам сверяю свои начинания. А у вас?

– А у меня в кабинете – портреты главных редакторов «Литературной газеты», начиная с барона Дельвига и заканчивая Чаковским, Симоновым, Смирновым, Ильфом и Петровым...

– Сколько же их?

– Я – 33-й! Когда пришёл в газету, спросил: «А где предшественники-то?». До меня каждый «главный» начинал как с чистого листа. «Вот, мол, я пришёл, сейчас будем заниматься делом, а до этого – одна ерунда была». А я ведь по образованию филолог, кандидат наук, привык мыслить в контексте истории. «Литературная газета» – 183 года! Пока жива Россия, «Литературка» будет всегда. Она – такой же исторический бренд, как Третьяковка, МХАТ. А мы – только звено, и надо всегда помнить об этом.

– В огромном литературном контексте ваши приоритеты?

– Очень люблю Гоголя, Толстого, Чехова, Булгакова, Шолохова. «Разброс», как видите, велик. То же и в поэзии. Люблю Тютчева, Блока, Заболоцкого, Твардовского, Владимира Соколова – это мой учитель. Я же начинал как поэт. Соколов

написал предисловие к моей книжке в 1980-м, как раз в тот год, когда я первый и последний раз был в Свердловске.

– И с чем же вы были на Урале тогда?

– Здесь проходило Всесоюзное совещание молодых писателей. Нас принимал Ельцин. Рассказывал, как «под мудрым руководством Брежнева строят социализм в отдельно взятом уникальном регионе». А в конце встречи он нам всем вручил по значку: на серебряной подложке яшмовая пластиночка в форме очертаний Свердловской области. А в том месте, где Свердловск, – маленький-маленький рубничек. Это были номерные значки. И Борис Николаевич сказал: «Если, приехав в следующий раз в Свердловск, вы предъявите значок милиционеру на входе в обком партии, то вас пустят победить в обкомовской столовой».

Я когда собирался сюда лететь – дай, думаю, пошлю тот значок: может, в обкомовскую столовую пройду (смеётся) спустя 32 года? Времени на поиски не было. Но где-то лежит.

– Вопрос за засыпку: это сколько же надо читать, чтобы быть главным в единственной на страну «Литературной газете» (и воспользоваться вашей же фразой) «оставаться в контексте»?

– Конечно, не всё читаю. Да и не надо. По-настоящему хороших книг выходит мало. На них время всегда найдётся. Есть писатели, про которых знаю, что они могут написать в очередной раз, – их читать бессмысленно. А вообще, принцип таков (могу поделиться с вашими читателями): всегда читаю первую книгу нового писателя. Если понравилась – всё, начинаю следить за автором. Если же нет – жду второй книги. Первая может быть неудачной, но если и вторая тоже – больше этого писателя не читаю. Я в литературе всё-таки уже 40 лет и знаю: человек, написавший две плохие книги, так на этом уровне и будет. Значит, лишён качества роста, необходимого для настоящего писателя.

Обязательно слежу за новинками отечественной истории. А сейчас читаю (в основном перечитываю) Лескова. Буду писать о нём для издательства «Молодая гвардия». Вы удивитесь, но Лесков – единственный наш классик первого ряда, о котором никогда не было книги в «ЖЗЛ».

– Газета, хоть и еженедельная «Литературка», – это вечный действующий. Где время для писательского уединения?

– Пишу утром. Часов с девяти до часу. Я «жаворонок», а для систематической работы, если пишешь каждый день, два-три часа – это очень много. Особенно когда не последнюю редакцию делаешь – запяточку поправил, слово, а когда прорываешься, выстраиваешь структуру (например, сейчас пишу пьесу для одного из московских театров) – мозговые затраты такие, что через час-полтора уже как выжатый лимон. Дальше иди руковоить хоть (смеётся) газету, хоть артелью какой-нибудь. Это уже организаторский труд.

Кстати, в майские праздники ТВ покажет 4-серийный фильм по моей давней повести «Апофеоз». Фильм был запущен в 1991 году на «Мосфильме», но когда всё грохнулось, и его закрыли. Спустя 22 года всё таки экранизировали. Потому должен выйти на экраны 6-серийный фильм по роману «Гипсовый трубоч». А я сейчас веду переговоры о повторной экранизации романа «Замыслил я побег», где эпоха показана через семью. Первая экранизация была не очень удачная...

– Нехилая производительность у писателя Полякова...

– Да не такая уж и большая. Всего четыре романа и шесть повестей, а у Прилепина или Быкова, хотя они младше, – по десять романов. Я пишу медленно. На «Гипсового трубоч» ушло шесть лет. Но я всегда говорю: три плохих романа в год пишет тот, кто не может написать один хороший за три года...

ПАРОЙ ФРАЗ

– Передачу «Контекст» я вёл на ТВ два года. Но каждый человек имеет столько сил, сколько имеет. Телевидение, если не любоваться собой, не вбрасывать в эфир первую пришедшую в голову хохму, а относиться к нему серьёзно – нелёгкий хлеб. Но для меня писательство гораздо важнее, чем «хлопотать лицом» на ТВ.

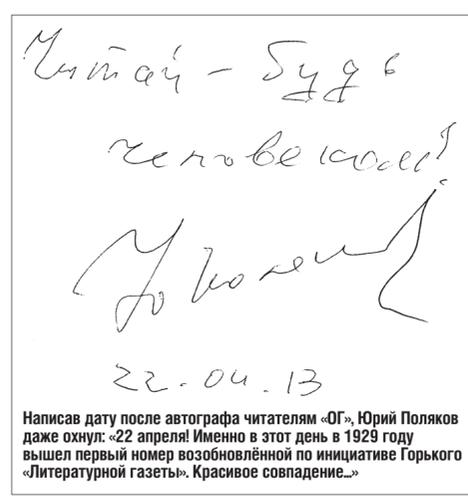
– Литература на национальных языках абсолютно выпала из федерального контекста: не представлена на книжных ярмарках, конференциях. Писателей не включают в делегации. В статье «Лезгинка на Лобном месте» я написал об игнорировании в федеральной политике культуры народов России. Смотрю – ага, уже спохватились...

– Хотелось бы что-то из своих пьес увидеть и в Екатеринбурге. А то я над Уралом только пролетаю: то на Дальний Восток на премьеру, то обратно – на премьеру в Болгарии, в Софии.

– В свою книгу афоризмов «Бахрома жизни» я включил и этот: «Российские либералы больше всего на свете не любят российское государство, но больше всего любят государственные награды». Скажите, что это не так...

Написав дату после автографа читателям «ЛГ», Юрий Поляков даже охнул: «22 апреля! Именно в этот день в 1929 году вышел первый номер возобновлённой по инициативе Горького «Литературной газеты». Красивое совпадение...»